УДК 94(47)+94(510):76
DOI: 10.17223/19988613/48/22

Е.А. Федосов

«ВПЕРЕД К ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ!»: ОБРАЗ СССР И КИТАЯ В АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ 1940–1960-х гг.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

В XX в. отношения нашей страны с Китаем претерпели несколько фаз трансформации, в результате чего формировался определенный образ обоих народов. В статье этот процесс рассматривается с точки зрения взаимного восприятия СССР и КНР в 1940–1960-е гг., которое нашло яркое отражение как в официальных пропагандистских материалах той эпохи, так и в неформальных оценках современников. Основные его особенности выявляются путем анализа советских и китайских агитационных плакатов, а также источников личного происхождения.
Ключевые слова: СССР; КНР; международные отношения; пропаганда; агитационный плакат; образ другого.

За прошедшее столетие Китай стал играть важную роль в российской внешней, а в последнее время и внутренней политике. В целом отношения нашей страны с восточным соседом претерпели несколько фаз трансформации, и в настоящий момент идея дружбы и сотрудничества вновь сопутствует политической риторике. Такая обстановка благоприятствует усилению интереса к Поднебесной, в том числе в историческом разрезе. Можно всецело согласиться с мнением современного китайского писателя, лауреата Нобелевской премии Мо Яня, высказанным на съезде Институтов Конфуция: «При изучении любых китайских проблем, неважно, касаются ли они насущной жизни или идеологии и культуры, необходимо проводить как вертикальное, так и горизонтальное сравнение. Исторический и реалистический взгляды, вертикальное и горизонтальное сравнения формируют тот фокус, только благодаря которому мы и можем получить беспристрастную, объективную оценку» [1. С. 35]. Подобный подход вполне применим и к российской истории, накопившей определенный опыт формирования образа Китая.

Цель данной статьи – раскрытие особенностей взаимного восприятия СССР и КНР в 1940–1960-е гг. Этот период примечателен по нескольким причинам. Во-первых, хронологически он совпадает со временем становления современного китайского государства, КНР, в котором немалую роль сыграло советское участие. Во-вторых, развитие отношений в эти годы отличалось высоким динамизмом, включая как очевидный моральный подъем, так и весьма драматичный спад и кризис, что позволяет считать события тех лет неким историческим уроком. Анализировать образы СССР и Китая целесообразно в нескольких измерениях. С одной стороны, в рамках официальной точки зрения, которая ниже будет рассмотрена на основе советской и китайской визуальной пропаганды и отчасти прессы. Для обоих народов ее влияние было частью общего процесса формирования так называемой «геополитической идентичности» [2. С. 5], когда определяются роль своей нации в мире, круг ее союзников и соперников. А с другой – через мнения современников, нашедшие отражение в источниках личного происхождения: письмах и воспоминаниях.

Восприятию взаимоотношений СССР и КНР середины XX в. предшествовали определенные политические и идеологические предпосылки. Первые контакты между советским правительством и левыми силами Китая начались практически сразу после победы социалистической революции в России. «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока…» [3. С. 6], – гласило обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР 25 июля 1919 г. Базируясь на лозунгах борьбы с силами мирового империализма, образ сражающегося Китая стал весьма заметной частью визуальной пропаганды на внешнеполитические темы в 1930-е гг. Один из наиболее ранних плакатов был нацелен на пробуждение интернационалистических чувств у молодежи: «Реют на Востоке знамена классовых боев. В XVI МЮД[1] комсомольский привет революционной молодежи Китая и Индии, борющейся с собственной буржуазией и империализмом» (1930). Не осталось без внимания художников-пропагандистов и возникновение на юге Китая в 1931 г. Китайской Советской Республики, вооруженным силам которой посвящалась работа И. Эбериля «Да здравствует Красная Армия советского Китая» (1931). В агитках подобной тематики применялось дублирование лозунгов иероглифами. Такая практика, не имевшая большого практического смысла, может, однако, рассматриваться, как значимый символический жест признания китайского языка языком международного коммунистического движения[2]. При этом активная политическая и военная деятельность китайских коммунистов сопровождалась вполне привычной для населения нашей страны революционной риторикой.

К концу 1930-х гг. во многом в связи с событиями в Испании и Китае антифашистская пропаганда получает мощный импульс [4. С. 126]. С одной стороны, это приводит к созданию более обобщенных сюжетов, в

которых, тем не менее, образу китайца отводится одна из центральных ролей. Ярким примером здесь может служить плакат Г. Рычкова и Н. Клементьева «Да здравствует молодёжная солидарность трудящихся в борьбе против фашизма!» (1938). С другой – продолжается создание наглядной агитации, посвященной и непосредственно Китаю. Так, в 1939 г. появилась работа В. Иванова «Из уст в уста передается лозунг национальной войны: “Падет в бою отец, сын встанет на его место, брат сменит погибшего брата, жена сменит убитого мужа”». Эти слова о борьбе китайского народа были высказаны Д. Мануильским на XVIII Съезде ВКП(б). Но плакат Иванова интересен и некоторыми другими деталями. Драматичная сцена, в которой молодой китаец подхватывает винтовку из рук раненного отца, во-первых, дополнялась призывом из четырех каллиграфических иероглифов «一致抗战» («Вместе воевать с агрессором!»), а во-вторых, на дальнем плане видна атака солдат под флагом Китайской Республики, ранее считавшейся недружественной.

Таким был образ китайца в советской визуальной пропаганде накануне Второй Мировой войны. В течение 1930-х гг. акценты, на которых он базировался, несколько сместились от внутренней классовой борьбы к более универсальной идее отпора внешней интервенции. Вернее сказать, классовый конфликт в конкретный исторический момент совпал с сопротивлением японским империалистам.

Пропаганда СССР времен Великой Отечественной войны была направлена на патриотический подъем советских людей против западного агрессора и его сателлитов, и объективно азиатская тема несколько лет отсутствовала в наглядной агитации. Вернулась она в 1945 г. в свете победоносного завершения освободительной Маньчжурской операции, чему был посвящен плакат Л. Голованова «Слава Красной Армии – освободительнице» (1945), изобразивший китайского мальчика на руках у советского солдата (рис. 1). Лозунг здесь вновь был продублирован иероглифами. Флаг Китая виден и среди знамен союзников в работе В. Иванова «Мы победили!» (1945). В том же году вышел и первый из известных автору китайский плакат на советскую тему: «Слава маршалу Сталину, освободившему нас от рабства японских милитаристов!» (на кит. яз., 1945). Образ нашей страны создается здесь за счет нескольких взаимосвязанных сюжетных элементов: рукопожатие красноармейца и китайца, символика обеих стран и крупное портретное изображение И.В. Сталина, венчающее всю композицию.

Пропаганда единства революционных идеалов и сопротивления внешним агрессиям, символизм боевого братства и харизматического лидерства вождей, присутствие государственных флагов и перевод лозунгов – все рассмотренные выше контексты и приемы наложили определенный отпечаток на формирование послевоенных образов СССР и Китая, получив с 1949 г. широкое развитие уже в формате содружества с КНР.

Прежде чем непосредственно переходить к рассмотрению принципов визуализации темы советско-китайской дружбы, целесообразно обозначить масштабность ее распространения. Так, если обратиться к подборке советских плакатов за поздний сталинский и хрущевский периоды, то азиатское «присутствие» обнаруживается примерно в 38% агиток, формировавших положительный образ иностранца. Учитывая разветвленность интересов СССР во внешнем мире в те годы, данный показатель можно считать весьма значительным. Отчасти на него повлияло то, что в разное время внимание к Азии обусловливалось событиями в Корее, Индии или Вьетнаме. Можно также возразить, что существенная доля образов по существу носила обобщенный характер, без указания на какой-либо конкретный народ. Однако близость стиля изображений с тем, который присущ плакатам, посвященным непосредственно Китаю, служит косвенным доказательством, что азиатские мотивы вдохновлялись именно восприятием китайских друзей. Примечательно, что на рубеже 1950–1960-х гг. одним из главных методов символической передачи идеи общемировой солидарности стал образ единства представителей Европы, Африки и Азии, в которых также легко угадываются черты китайских граждан эпохи Мао Цзэдуна.

Взгляды на внешний мир в наглядной агитации КНР развивались в несколько иной логике. В 1950-е гг. противостояние с США за освобождение Кореи и Тайваня сделало американскую верхушку, как это было и в СССР, главным антагонистом пропаганды. Сам же Советский Союз и связанные с ним европейские страны народной демократии, по сути, оставались единственным постоянным контекстом для формирования положительного образа зарубежья. И только к началу 1960-х гг., когда компартия Китая постепенно начала претендовать на глобальное идеологическое влияние, в китайских плакатах расширяется система внешнеполитических образов.

Рис. 1. Худ. Л. Голованов (1945)

Рис. 2. Худ. В. Иванов (1949)

Рис. 3. Худ. В. Иванов (1951)

Отклик на образование 1 октября 1949 г. КНР последовал в советской наглядной агитации практически сразу. «Большую идею равенства и содружества великих народов» [4. С. 191] визуализировал обращавшийся к китайской теме еще в 1930-е гг. художник В. Иванов в своем новом плакате «Да здравствует дружба народов СССР и Китая!» (1949) (рис. 2). В этой работе впервые после войны в рамках сугубо гражданского сюжета союз олицетворяли отображенные почти портретно представители двух стран, несущие каждый свой флаг. Следует отметить, что на тот момент социалистический лагерь только завершал свое формирование, и в советских агитационных материалах практически отсутствовал опыт создания образа конкретных государств, входящих в него. В этом смысле Поднебесная оказалась первой. В духе времени было использование образа И.В. Сталина в трактовке идеи дружбы с Китаем. Он мог быть запечатлен в момент рукопожатия с Мао Цзэдуном (рис. 3) или присутствовать незримо в достаточно специфичных формах. Так, упоминая «Песню о Сталине», лозунг одной из агиток 1952 г. отмечал «…Поет эту песню китайский солдат!», который и был изображен на плакате (рис. 4). После смерти вождя художники-пропагандисты вносят символический подтекст исключительно в сцены жизни простых людей. Классическими становятся сюжеты, в центре которых два мужских или женских образа представителей обеих стран, временами помещенных в производственную среду, что подчеркивало практические плоды сотрудничества (рис. 5)[3]. В плакате «Всегда вместе!» (1958) помимо взрослых присутствуют еще и дети, выражая надежду на дружбу, которая останется в поколениях. В целом словосочетание «дружба навеки» обретает в плакатах подобной тематики характер устойчивой идеологемы, а иногда, в знак большого уважения к союзнику, переводится и на его родной язык («永恒友谊»).

Рис. 4. Худ. П. Голубь (1952)

Рис. 5. Худ. М. Соловьев (1958)

Наиболее поздние советские плакаты на тему дружбы с Китаем вышли в 1959 г. Уже состоялся XX съезд КПСС, радикально противопоставив официальные трактовки сталинского периода в СССР и КНР. Уже прошли достаточно напряженные переговоры Хрущева и Мао, обозначившие серьезные разногласия по поводу судьбы ядерного потенциала Поднебесной [5]. Но все

это пока не касалось и не должно было касаться восприятия советских граждан. Напротив, «казалось, дружба, освященная единством идеологического выбора, нерушима... Помощь Китаю была каким-то всеобщим порывом в нашей стране. Выражением искреннего доверия к другому народу, когда, казалось, делается большое, благородное дело» [5. С. 108]. Лозунги агиток гласили «Вперед к великой цели!» (1959) и «Наша цель – коммунизм!» (на рус. и кит. яз., 1959) (рис. 6). А ведь именно вокруг понимания путей прихода к коммунизму вскоре разразится идеологический раскол. Надо сказать, что в советской прессе привычная дружественная риторика держалась несколько дольше, чем на плакатах. Так, например, в номере «Правды» от 2 октября 1962 г. был напечатан материал «Советско-китайской дружбе жить в веках» [6. 2 окт.]. Однако новых визуальных образов в этот период уже не наблюдается, а с 1963 г. и публикации центральной советской печати по мере углубления идеологического раскола постепенно обретают сначала полемический, а затем и откровенно критический тон по отношению к Китаю. Но даже этот неблагоприятный фон не помешал отметить очередную годовщину образования КНР заголовком: «За братскую дружбу и всесторонне сотрудничество советского и китайского народов» [7. 1 окт.]. Впрочем, этот пример стал одним из последних.

Хронологические и сюжетные рамки советской темы в китайских плакатах имели свою специфику. Здесь первыми выразителями идеи дружбы были образы вождей, Сталина и Мао, представшие в работе художника Ли Бинхуна «Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи[4] способствует поддержанию мира во всем мире» (на кит. яз., 1950). Они изображены на фоне флагов своих стран в виде живых, но в чем-то уже монументальных героев, стоявших будто над панорамой Красной площади и площади Тяньаньмэнь. Совместное изображение вождей встречается до 1953 г. еще в двух агитках. В отличие от сугубо гражданских сюжетов, создававшихся в СССР, в Китае визуальный образ простого советского человека получил развитие в 1951 г. именно в военном контексте. Так, под очевидным влиянием событий Корейской войны вышел плакат «Американские агрессоры обязательно будут разбиты» (на кит. яз., 1951) (рис. 7), главными героями которого стали советский и китайский солдаты. В нем также говорилось, что советские люди и китайцы выдержали испытание войной и победили. Они готовы противостоять врагам, которые были карикатурно нарисованы ниже. Образы военнослужащих обеих армий, продолжая часто использоваться до 1955 г., ложились в основу глобальных идей общего вклада в мировую безопасность и боевого содружества[5]. То есть риторика военного альянса, который так никогда и не был оформлен на деле, активно распространялась китайской пропагандой.

Между тем примерно с 1953 г., почти параллельно с аналогичной советской тенденцией, плакатисты КНР много обращаются к теме производственного сотрудничества, выражая один из главных китайских лозунгов тех лет – «Учиться у Советского Союза» («学习苏联»).

Рис. 6. Худ. В. Каленский, И. Каленская (1959)

Рис. 7. Худ. Гу Юань (1951)

Рис. 8. Худ. Ван Найчжуан (1957)

Нашла свое отражение и практика двуязычного написания лозунгов, как это было, например, в работе художника Ван Найчжуана «Великая дружба, братская забота!» (на кит. и рус. яз., 1957) (рис. 8). Успехи СССР наделялись в плакатах глобальным, даже цивилизацион-

ным смыслом. Так, сцена полета советских спутников, противопоставленная маленькой фигурке Эйзенхауэра, пускающего мыльные пузыри, иллюстрировала по-китайски поэтичное высказывание Мао Цзэдуна: «Восточный ветер превосходит западный» («东风压倒西风») (1958).

Призывы к изучению опыта нашей страны с заметным постоянством продолжаются в наглядной агитации до 1959 г. Интересную сцену можно наблюдать в плакате «Советский Союз – великий знаменосец строительства коммунизма и яркий пример для нас» (на кит. яз., 1959) (рис. 9). Следует колонна разнообразных в социальном и этническом отношении советских граждан; идущие впереди держат транспарант, на котором иероглифами написано «семилетний план 1959–1965» («七年计划 1959–1965»). Судя по настрою этой агитки, с точки зрения воздействия на общественное мнение, ничто не предвещало коренного пересмотра взаимоотношений двух стран, начавшегося именно в период этой семилетки. Использование позитивного визуального образа СССР продолжается в КНР до 1962 г., когда вышел, видимо, последний, по-своему символичный плакат «Дружба китайского и советского народов будет жить вечно» (на кит. яз.) (рис. 10).

Рис. 9. Худ. Шэнь Шаолунь (1959)

Рис. 10. Худ. Гэ Вэй (1962)

Подводя предварительную черту под анализом наглядной агитации обеих стран, посвященной советско-китайскому содружеству, необходимо попытаться понять: добивались ли предложенные официальными властями образы и идеологемы задуманного эффекта? Находили ли они соответствующий отклик у общества и казались ли ему нужными и уместными вообще? Современники тех событий, представители сибирской научной интеллигенции, с которыми автор данной статьи непосредственно обсуждал эту тему в рамках личных бесед, в целом сходятся во мнении, что Китай в то время воспринимался как действительно дружественная страна. Так, историк профессор Ю.В. Куперт отмечал: «До ссоры с Хрущевым была абсолютная внутренняя поддержка Китая и совершенно искренняя, не говоря уже о том, что некоторым они нас просто “подкупали”… у китайцев была очень красивая вещь (музыкальное произведение. – *Е.Ф.*) “Алеет Восток”»[6]. Вспоминая истоки советско-китайского раскола, профессор М.С. Кузнецов характеризовал его именно как конфликт руководств, а не народов: «Китай благодарен был всегда нам… Но оскорбительно вел себя Хрущев по отношению к руководству Китая, а китайцы Мао Цзэдуна считали марксистом-ленинцем и его теорию марксистко-ленинской, но с китайской спецификой. И нельзя сказать, что они не правы»[7]. Такой акцент на личностную составляющую разногласий соответствует и оценке советского государственного деятеля Д.Т. Шепилова: «Хрущев же всегда оставался человеком импульсивным и необузданным. Он расточал свои щедроты, объятия, дары, делая все, что, по его мнению, было полезно для укрепления китайско-советских отношений. Но как только Мао Цзэдун поставил вопросы <…> которые a priori показались Хрущеву сомнительными – он моментально перешел на менторский тон, начал горячиться, поучать китайцев и прописывать им рецепты» [8. С. 383]. Вместе с тем Шепилов резюмирует: «Конечно, было бы неправильно сводить только к этому разрыв с Китаем. Здесь были и более глубокие объективные причины. Но исходным фактором субъективного порядка, который положил начало конфликта и отравил всю атмосферу китайско-советских отношений, была, несомненно, хрущевская разнузданность» [Там же. С. 386]. В качестве одной из «более глубоких объективных» причин можно назвать и последовательное нежелание советской стороны признавать в Китае Мао Цзэдуна самостоятельный, в чем-то альтернативный, коммунистический проект. Об этом много говорил и историк, специалист в области международных отношений С.В. Вольфсон, который, осознавая всю пагубность подобной линии, в 1966 г., будучи еще молодым ученым, даже написал об этом письмо в ЦК КПСС, но так и не решился отправить[8].

Впрочем, на любые воспоминания неизбежно влияет возможность видеть и анализировать полную (в том числе первоначально скрытую от масс) перспективу рассматриваемых процессов и оценивать их более взвешенно, в то время как первичное восприятие событий формируется непосредственно на фоне их разви-

тия. Когда в дни Карибского кризиса советские граждане пристально следили за судьбой мира, а некоторые даже делились своими взглядами с верховной властью, посылая письма на имя Хрущева, их представление о китайцах было неоднозначно. Так, с точки зрения рабочих волгоградского завода «Баррикады» нужно дистанцироваться от китайских «наследников Сталина», так как они непременно развяжут ядерную войну [9. Л. 89 об.]. Напротив, 30-летний работник шахты, коммунист из Львовской области А.А. Шилов считал, что следует «усиленно укреплять связь со странами народной демократии и особенно (подчеркнуто автором письма. – *Е.Ф.*) с Китайской Народной Республикой, несмотря на небольшие идеологические расхождения, помочь ей даже оружием» [Там же. Л. 110 об.].

Советско-китайская тема возникла и в откликах граждан на решение Пленума об отставке Хрущева осенью 1964 г. При этом внешнеполитическая линия бывшего генсека критиковалась порой с прямо противоположных позиций. Сторонники скорейшего восстановления дружественных отношений между СССР и КНР приводили и моральные, и геополитические аргументы. В неподписанном письме из Москвы говорилось: «Ухудшение отношений с Китаем самая страшная ошибка. В мире, наверное, нет ни одного народа, который бы так искренне любил и относился к нашей стране, советским людям. Столько воды налили на ветхую мельницу империализма» [10. Л. 79 об.]. О прямой заинтересованности внешних врагов в обострении конфликта писал 45-летний житель Самарканда М.П. Тепляков: «…политику Хрущева все Гарсты и Джонсоны приветствуют, а еще лучше они приветствуют наши разногласия с нашими братьями по борьбе. Разве они, т.е. Джонсоны, не радуются, что от нас откололись социалистические государства: Китай, Корея, Вьетнам и Албания, – конечно, рукоплещут, хвалят Хрущева и смотрят, как быстро развалится социалистический лагерь, а потом в одиночку раздавят нас» [11. Л. 104]. Довольно просто, но с чисто идеологической точки зрения рассуждали донецкие шахтеры: «…как мы, так и КНР стремятся построить коммунизм… и они строят свое положение по руководству Ленина, и поэтому – это наши друзья, и они нас любят, и мы их также уважаем» [10. Л. 121]. Это суждение хорошо согласуется с лозунгами упоминавшихся выше советских плакатов конца 1950-х гг., в которых единство конечной политической цели – построение коммунизма – рассматривалось как главная идея дружбы с Китаем. Существовала и убежденность в том, что преодолению разногласий двух стран послужат как сама по себе отставка лишенного «дипломатического такта» Хрущева [11. Л. 39], так и восстановление авторитета Сталина в нашей стране [10. Л. 79 об.; 11. Л. 27 об.].

На другом фланге критики хрущевской внешней политики неизвестные авторы из Одессы, называвшие себя «друзьями народа» и не стеснявшиеся в выражениях, указали новому руководству на то, что главной ошибкой было «превращение страны в дойную корову для всех, кому не лень. Перечислить всех этих “братьев”-иждивенцев нет возможности. Некоторые из этих братьев за страдания нашего народа уже достаточно подло отплатили (Албания, Китай, Корея, Вьетнам, Румыния и др.)» [11. Л. 56]. Справедливости ради стоит заметить, что такая точка зрения касалась не столько восприятия Китая, сколько общей линии СССР в выстраивании отношений с союзниками, и была достаточно распространена в то время. В условиях разразившегося в 1963–1964 гг. продовольственного кризиса и связанных с этим чувствительных социальных сдвигов советские люди ставили под большое сомнение целесообразность траты огромных ресурсов на иностранные государства: «Зачем нам эти все друзья, мы сами справимся. Если некоторым нужна помощь, так помогите в технике, пускай воюют, – а то так получается: технику дай и продовольствие дай, а из-за них свой народ голодает, страдает. Не зря китайское правительство Хрущева критиковало» [10. Л. 108–108 об.]. Любопытно, что для автора этого письма, некого И.П. Потанина из Горьковской области, настроенного критически по отношению к союзникам, руководство КНР выступает в роли некой референтной группы. В целом можно убедиться, что для разделявших подобные мнения граждан прежние широко тиражируемые лозунги «братства» и «дружбы» несли негативный смысл.

К сожалению, в нашем распоряжении нет аналогичных китайских источников, которые хоть как-нибудь реконструировали бы восприятие СССР населением КНР накануне раскола. Можно лишь отметить определенные метаморфозы официальной риторики, наблюдавшиеся в 1964 г. В июне точка зрения КПК, опубликованная в газете «Женьминь Жибао» и журнале «Хунци», стала достоянием широкой общественности, причем в достаточно резкой и обличительной форме: «На XXII съезде КПСС хрущевская ревизионистская клика не только возвела в систему свою антиреволюционную теорию так называемого мирного сосуществования. <…> Хрущев агитирует за буржуазную идеологию, рекламирует буржуазную свободу, равенство, братство и человечность, обрабатывает советский народ в духе реакционной идеологии буржуазного идеализма и метафизики, а также буржуазного индивидуализма и национализма, подрывает социалистическую мораль» (цит. по: [12]). Но уже в ноябре в той же «Женьминь Жибао» в преддверии 47-й годовщины Октября выходит статья «Сплотиться под знаменами великой Октябрьской революции», развивающая совсем другие идеи-лозунги: братская боевая дружба народов Китая и Советского Союза является вечной, при любых обстоятельствах китайцы будут плечом к плечу с советским народом, да здравствует нерушимая дружба народов Китая и Советского Союза. При этом Хрущев критикуется за оппортунизм и «отход от интересов советского народа», а также одобряется его снятие со

всех постов [13. Л. 278–287]. Тем не менее риторика советско-китайской дружбы так больше никогда и не пошла в массовое тиражирование средствами наглядной агитации обеих стран.

Правомерно задаться вопросом, открыл ли резкий спад в отношениях двух народов перспективы для формирования образа врага? В советской наглядной агитации положительный контекст для азиатской темы в 1960-е гг. сохранялся на фоне поддержки Вьетнама против агрессии США. Что касается возможностей распространения антикитайских или, вернее сказать, антимаоистских мотивов, то они хотя и появлялись, но относительно редко и исключительно в пространстве сатирической карикатуры, оставаясь совершенно не свойственными плакату. Вообще следует отметить, что в брежневскую эпоху среди прочих средств пропаганды плакаты все менее отличаются разнообразием и новаторством сюжетов и образов. Китай же упоминается в единственной известной автору агитке того периода, возникшей в связи с началом китайско-вьетнамской войны: «Пекинскому агрессору – отпор!» (1979).

Несколько иная пропагандистская линия выстраивалась в КНР. Здесь в 1967 г. в наглядной агитации появляются первые лозунги борьбы с «советским ревизионизмом» («苏修»), персонализированным карикатурами на высших руководителей СССР – Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина. Порой они вместе с американскими империалистами составляли один ряд внешних врагов и наделялись жесткими, но по-китайски иносказательными характеристиками – «собачьи головы» («狗头») или «бумажные тигры» («纸老虎»)[9]. Несмотря на остроту подобных выпадов, образ нашей страны присутствовал в китайских агитках рубежа 1960–1970-х гг. словно в нескольких измерениях. Связано это с тем, что личность Мао Цзэдуна тиражировалась в качестве не только наиболее передового марксиста, но и продолжателя дела Ленина и Сталина. Например, в плакате «Учение Мао Цзэдуна – вершина современного марксизма-ленинизма» (на кит. яз., 1968) он изображен буквально в одном ряду с Марксом, Энгельсом и советскими вождями. Убежденность как в исключительной правоте маоизма, так и в его преемственности с ленинскими теориями привела к созданию весьма любопытного сюжета под названием «Поживем – увидим! Красное знамя учения Мао Цзэдуна будет развеваться над родиной Ленина!» (на кит. яз., 1967). Его главными действующими лицами были советские рабочие, а сам лозунг будто исходил из их уст, выражая солидарность с китайской точкой зрения на марксизм. Квинтэссенцией таких идеологических воззрений можно считать и плакат «Объединяйтесь во имя будущего, коммунизм обязательно будет претворен в жизнь» (на кит. яз., 1972), собравший воедино образы и героев Октябрьской революции в России, и китайских революционеров прошлого, и современных борцов за коммунистические идеалы. Впрочем, такой интернационализм, относящийся к исторической перспективе, совершенно не мешал выпуску в 1969–1971 гг. множества мобилизационных агиток, изображавших солдат НОАК и их гражданских помощников готовящимися к отражению внешнего нападения. И хотя прямо об этом практически нигде не упоминается, суровый таежный пейзаж этих плакатов говорит о напряженности на границах именно с нашей страной.

Вместе с тем ярко выраженного и постоянно тиражируемого образа врага в лице СССР в китайских плакатных материалах так и не сформировалось. Если даже в них и появлялись карикатурные изображения советских руководителей, то они кажутся весьма редкими на фоне многочисленных обличительных кампаний, порожденных внутрипартийной борьбой и «культурной революцией» в Китае. Это было противоречивое время, когда не столько картина внешнего мира, сколько китайское самосознание подвергалось пересмотру, дошедшему до такой радикальной степени, что даже один из символов нации – Конфуций – смог стать карикатурой[10]. В целом 1970–1980-е гг. не привнесли ничего нового в прохладные отношения двух стран. Исчезновение в 1990-е гг. прежней идеологической повестки едва ли их существенно улучшало, так как бесконтрольное наступление рынка в нашей стране в ряде случаев придавало китайскому участию в этом процессе негативный социально-экономический стереотип [14. С. 100–102]. И только с началом XXI в. трансформация международного положения дает новый исторический шанс для поступательного развития сотрудничества.

Завершая анализ опыта взаимного восприятия СССР и КНР и глядя на будущее двусторонних отношений, важно отметить следующее. В 1950-е гг. советской пропаганде действительно удалось убедить население в том, что Китай является дружественной или как минимум союзной страной. Другое дело, что могла различаться оценка самого факта этого союзничества. Судя по письмам во власть, одни советские граждане искренне считали его бесспорным свидетельством морального превосходства коммунистической идеологии в мире и большим преимуществом в глобальном соперничестве с империализмом, а другие рассматривали союзников как нежелательное бремя на фоне нерешенных внутренних проблем.

Из-за отсутствия соответствующих источников личного происхождения труднее реконструировать представления китайского народа о нашей стране. Исследователи, изучающие историю международных отношений, обработав партийные архивы и материалы переговоров, вероятно, подтвердят, что китайцы в целом были благодарны СССР, но постепенно уже с 1950-х гг. руководство Поднебесной начало в чем-то тяготиться ролью ученика и младшего брата. Однако этот процесс разворачивался преимущественно в политических кулуарах, в то время как массовое восприятие дольше и несколько иначе формировалось пропаган-

дой. И обратившись к ней посредством плакатов, можно обнаружить, что в самом конце 1950-х гг. в китайских лозунгах в категории «братство с СССР» все еще использовались иероглифы «兄弟», которые среди прочих вариантов перевода имеют значение «старший и младший брат». Этот отдельно взятый пример, может быть, и не имеет большого концептуального значения. Но он наглядно демонстрирует, как пропагандистские материалы отображают настроение эпохи и как по ним можно уловить момент, когда властям использовать прежние идеологемы и образы было уже нецелесообразно, – точку невозврата в советско-китайских отношениях. Анализ плакатов показал, что такое положение сложилось где-то с 1963–1964 гг., хотя и не без определенных оговорок в связи с реакцией китайской прессы на отставку Хрущева.

Как представляется, парадокс данной пропагандистской кампании был в том, что главный сплачивающий СССР и КНР идейный аргумент – коммунизм как единая конечная цель – не предполагал единства средств ее достижения. А настойчивое желание властей обеих стран глобализировать свое собственное видение коммунистической доктрины в итоге привело к негативным результатам, несмотря на усилия по формированию положительного образа в массах. Что касается нынешней ситуации, то после нескольких десятилетий охлаждения этот образ создается, по сути, заново, в том числе благодаря налаживанию культурных связей. А внимание к сильной национальной культуре – это главный противовес современной глобализации, принуждающей к единству мнений вопреки воле и ухудшающей подлинно дружественные отношения. Ведь именно на почве борьбы за право на собственную точку зрения против стандартов, навязываемых извне, происходит сейчас политическое сближение России и Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Международный юношеский день.
[2] См., напр.: Г. Клуцис «Да здравствует мировой Октябрь!» (1933).
[3] См., напр.: Н. Терещенко «Наш опыт – помощь друзьям» (1953); Е. Соловьев «Нашу дружбу крепим не словами, а делами!» (1956); М. Соловьев «Наша дружба крепка как сталь!» (1958).
[4] Подписан в Москве 14 февраля 1950 г.
[5] См., напр.: Лян Юйлун «Мы вместе противостоим агрессии, защищаем Дальний Восток и весь мир!» (на кит. яз., 1951); неизвестный автор «Да здравствует дружба между народами и армиями Китая и Советского Союза» (1955).
[6] Интервью с Юрием Васильевичем Купертом. Томск. Февраль 2014 г. // Личный архив автора. Юрий Васильевич Куперт (род. 1931) – историк, профессор Томского государственного университета. В начале 1960-х гг. – аспирант и старший преподаватель историко-филологического факультета ТГУ.
[7] Интервью с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым. Томск. Сентябрь 2013 г. // Личный архив автора. Михаил Сергеевич Кузнецов (1922–2015) – историк, профессор Томского государственного университета. В начале 1960-х гг. – доцент, преподаватель историко-филологического факультета ТГУ.
[8] Интервью с Савелием Вольфовичем Вольфсоном. Томск. Ноябрь 2015 г. // Личный архив автора. Савелий Вольфович Вольфсон (род. 1931) – историк, доцент Томского государственного университета. В 1966 г. – ассистент кафедры историко-филологического факультета ТГУ.
[9] См., напр.: «Долой советский ревизионизм! Разобьем собачью голову Брежнева! Разобьем собачью голову Косыгина!» (на кит. яз., 1967); «Все реакционеры – бумажные тигры! Истребим всех завоевателей!» (на кит. яз., 1969).
[10] Ся Чжигао «Критикуй Линь Бяо и Конфуция, посвяти себя сельскому хозяйству во имя революции» (на кит. яз., 1974).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мо Янь. Конфуций каким я его представляю // Институт Конфуция: (русско-китайское издание). 2014. № 1. С. 34–38.
2. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
3. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. М. : Мысль, 1972. 476 с.
4. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М. : Искусство, 1962. 444 с.
5. Переговоры Н.С.Хрущёва с Мао Цзэдуном 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 100–128.
6. Правда. 1962.
7. Правда. 1963.
8. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М. : Варгиус, 2001. 400 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1354.
10. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1631.
11. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1614.
12. Пыжиков А.В. Хрущевская «Оттепель» 1953–1964 гг. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 509 с.
13. ГАРФ. Ф. Р 4459. Оп. 43. Д. 3616.
14. Ларин В.Л. Посланцы поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 76–112.

Fedosov Egor A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: karamba243@yandex.ru
«FORWARD TO THE GREAT AIM!»: THE IMAGE OF THE USSR AND CHINA IN PROPAGANDA POSTERS OF 1940–1960S.
Key words: USSR; PRC; international relations; propaganda; posters; image of the Other.

In the last century China began to play an important role in the Russian foreign policy and recently in domestic as well. This situation provides the favor for increasing of the interest in the Celestial, including the historical background. The aim of the article is to discover the specifics of the mutual perception of the USSR and PRC in 1940-1960s. The period is notable because of some reasons. Firstly, chronically it coincided in time of the formation of the present Chinese state, in which considerable role was played by the Soviet participation. Secondly, the development of the relations excelled by intensive dynamism, including obvious moral rise, highly dramatic fall and crisis as well, so all the events during that era should be considered as a historical lesson. It is reasonable to analyze the images of the USSR and China in several dimensions. On the one hand, in the framework of the official point of view, considered on the basis of Russian and Chinese visual propaganda and, partly, press. On the other hand, by the opinions of contemporaries, reflecting in the personal sources: letters and memoirs. The analysis of the propaganda posters has shown, since 1950s the mutual perception of the USSR and China was formed against the background of calls to go to the victory of Communism together, constructing military or labor cooperation. In the both countries subjects became classical, in which the central role was played by a two male of female images, personalizing the unity of the nations, state symbolic and slogans, written in Russian and in Chinese at the same time. Similar materials were actual approximately until 1962 and were stopped publishing by the influence of the ideological split. According to the personal sources at the turn of 1950-1960s Soviet people indeed perceived China as a friendly or an allied country. Nevertheless the account of the alliance differed: some of the citizens believed it as the undisputable evidence of moral superiority of the Communist ideology and the great advantage in the global rivalry against imperialism, but others considered allies as an undesirable burden against the background of the unsolved internal problems. In general the paradox of the actual propagandistic campaign was: the main rallying the USSR and PRC committed argument – Communism, as a single final aim, did not imply the solidarity of the means of achievement. But the both countries' persistent desire to globalize their own view of the Communist doctrine in total led to the negative results, despite the efforts to form the positive image among the masses.

REFERENCES

1. Mo Yan. (2014) Konfutsiy kakim ya ego predstavlyayu [Confucius as I imagine him]. *Institut Konfutsiya (russko-kitayskoe izdanie*). 1. pp. 34–38.
2. Gadzhiev, K.S. (2011) Natsional'naya identichnost': kontseptual'nyy aspekt [National identity: a conceptual aspect]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 3–16.
3. Borisov, O.B. & Koloskov, B.T. (1972) *Sovetsko-kitayskie otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. Moscow: Mysl'.
4. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [Soviet Political Poster]. Moscow: Iskusstvo.
5. Anon. (2001) Peregovory N.S.Khrushcheva s Mao Tszedunom 31 iyulya – 3 avgusta 1958 g. i 2 oktyabrya 1959 g. [N.S. Khrushchev's negotiations with Mao Zedong, July 31 – August 3, 1958 and October 2, 1959]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 1. pp. 100–128.
6. *Pravda*. (1962)
7. *Pravda*. (1963)
8. Shepilov, D.T. (2001) *Neprimknuvshiy* [Unidentified]. Moscow: Vargius.
9. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1354.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1631.
11. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1614.
12. Pyzhikov, A.V. (2002) *Khrushchevskaya "Ottepel'" 1953–1964 gg.* [Khrushchev's Thaw of 1953–1964]. Moscow: OLMA-PRESS.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 4459. List 43. File 3616.
14. Larin, V.L. (2001) Poslantsy podnebesnoy na Dal'nem Vostoke: otvet alarmistam [Envoys of the Heavenly Empire in the Far East: a response to alarmists]. *Diaspory*. 2–3. pp. 76–112.